

Генри Лайон Олди

**Давно, усталый раб,
замыслил я побег...**

*Часть сборника
Тени моего города (сборник)*

Тени моего города

Генри Олди

**Давно, усталый раб,
замыслил я побег...**

«Автор»

2001

Олди Г. Л.

Давно, усталый раб, замыслил я побег... / Г. Л. Олди — «Автор»,
2001 — (Тени моего города)

«— Значит, вы рассчитываете вернуться обратно? Домой?— Да.— Когда же, если не секрет?...»

© Олди Г. Л., 2001

© Автор, 2001

Генри Лайон Олди

Давно, усталый раб, замыслил я побег...

В толпе легко быть одиноким.

Жетон метро – ключ

к просветлению.

Спускаюсь вниз.

Ниру Бобовой

– Значит, вы рассчитываете вернуться обратно? Домой?

– Да.

– Когда же, если не секрет?

– Скоро.

– А каким образом вы намерены это сделать?

– Никаким образом. Просто вернусь. Вместе с остальными, кто спал. Я не умею – вместе. Не люблю. Не хочу. Но здесь все наоборот. Здесь иначе не получится. Бабка меня уже нашла. Теперь – скоро.

– Но если у вас дома так хорошо, может быть, вы бы хотели забрать с собой и других людей? Чтобы им тоже стало хорошо?

– Всем?!

– Разумеется. Ведь это замечательно, когда всем хорошо.

– Всех забрать?!

– Не надо нервничать. Допустим, не всех. Например, тех, кто здесь. В пансионате. Как вы думаете, у вас дома им будет лучше?

– Не-а. Им не нужно, чтоб лучше. Было бы нужно, давно б ушли. Сами. Но они остаются. Значит, не хотят. Если дома станет много людей, получится ерунда. Как здесь. Дома каждый – один. А тут – вместе. Не люблю, когда вместе. Когда в месте, в одном месте, толчея. Вы, доктор, тоже – один. Вам тут плохо. Пойдете со мной?

– Спасибо за приглашение. Я подумаю.

– Думать не надо. Надо идти. Или не идти. Если вы пойдете – будет легче. Дойти.

– Хорошо. Скажите мне, когда соберетесь домой.

– Я скажу, доктор. Скоро скажу. Только не надо думать. Пожалуйста...

* * *

Время менять очки, понял доктор.

Очков у него было две пары. Очень похожих: тонкая, невесомая оправа и крупные, слегка вытянутые вниз стекла с весьма почтенными диоптриями, придававшие лицу слегка усталый вид. Стиль «Верблюд, король стрекоз» – так изъяснялась первая жена доктора, она же последняя, ибо после развода, дела давнего и почти забытого, счастливчик отнюдь не торопился впасть в очередное безумие. Но вернемся к очкам. Никакой тонировки, затемнения линз. Простота и солидность. Разве что металл первой оправы отливал сталью, а второй – бронзой. Никто, в сущности, не замечал, что доктор примерно раз в три месяца меняет очки. А и заметили бы, так не придали значения.

Доктор улыбнулся, извлекая запасной футляр.

Значение процесс имел только для него.

К очкам привыкаешь. Как привыкаешь к банальностям, к суете, к иллюзии, самозвано взобравшейся на трон реальности и нацепившей корону на кукиш лысой головы. Идет время; сидит узурпаторша; стоишь ты. Но, однажды всего-навсего сменив пару очков, вдруг понима-

ешь, что мир изменился, решительно и бесповоротно. Самозванка кубарем слетела с трона, слабые, мягкосердечные банальности сцепились за выживание, по пути мутируя в зубастые, покрытые чешуей аксиомы; суэта-беглянка сентиментально обернулась на горящий Содом, превратясь в соляной столб. Расплывчатость бытия, именуемая привычкой, стала бесстыдно резкой, хотя диоптрии одинаковых линз, а также идентичная центровка не давали к этому решительно никакого повода. Местами жизнь вытянулась, местами съежилась, мышью удрав в угол. Боковое зрение обрело дурную манеру исчезать и появляться по собственному усмотрению, словно кокетка-любовница, вынуждая кавалера постоянно коситься в сторону: на месте ли ветреная красотка? Ты резко поворачиваешь голову, ловясь на удочку легкого головокружения; пьян без вина, ты постоянно ищешь повод снять очки и протереть их суконкой. Ты весь в себе, занят собой и ненадолго забываешь, что вокруг тебя кишит масса совершенно бессмысленных, ненужных тебе людей.

Люди превращаются в объект исследования, чем и должны быть.

Запасной футляр лег в карман пиджака. Вечером, подумал доктор. Я поменяю очки вечером, на работе, оставшись в одиночестве. Зря, что ли, я записал себе на сегодня ночное дежурство. Еще один самообман, жалкая видимость деятельности. Мозговая кость, брошенная псу общества: тружусь, знаете, не щадя сил и здоровья... Впрочем, пес благодушествует возле будки, сытый былыми подачками. Я раскормил его до ожирения. До утраты бдительности. Не появившись я в лечебнице неделю или две – в крайнем случае мне бы перезвонили домой, под конец разговора попросив беречь себя. Выдавили бы каплю желтого, пахнущего фурацилином сочувствия: поймите, дорогой друг, в вашем возрасте... Сердце? Желудок? Ах, депрессия! Тонкая шутка: ясно, ясно, сапожник без сапог... Да, конечно. Выздоровливайте и ни о чем не тревожьтесь.

Очки сменить легко, на некоторое время укрывшись за частоколом новых стекол. Куда трудней сменить имя, банальность из банальностей.

Пес не отдаст любимую кость.

Работа в лечебнице была синекурой. Хорошо оплачиваемым балаганом. Они там все безнадёжны, в тысячный раз подумал доктор. За это я их люблю: за отсутствие надежды. За определенность. За витую решетку ограды, зелень газона вокруг шезлонгов, за божественную непогрешимость камер слежения, за присутствие вежливых ангелов-охранников и ворчание двух доберманов, обученных по специальной программе «Привратник». Я приглашаю их – разумеется, не доберманов и не ангелов! – сесть в кресло или прилечь на диван, я веду с ними беседы, выстроенные по всем правилам; Геркулес, назло мифологии взяв замуж бабочку-Психею, я препарирую гусениц психозов и расчлению коконы фобий, зная, что борюсь с гидрой, и безнадёжно ждуть Июля-факельщика, который прижжет обрубки шей. С аналогичным рвением я мог бы чесать им пятки. Зато богатые родственнички моих пациентов с удовольствием платят за роскошь небрежно уронить во время банкета или презентации: «Ах, бедный дядюшка! Но вы ведь знаете, он полностью обеспечен! Многие бы продали душу за возможность оказаться на дядюшкином месте! Разумеется, в клинике... верней, в пансионате. У этого, который!.. ну, того самого, если вы меня понимаете...»

Собеседник, как правило, понимал.

Естественный отбор: непонятливых давным-давно отказывались пускать на банкеты и презентации. Умение кивнуть в нужный момент сродни дорогому галстуку. Своего рода визитная карточка. Ведь даже продай непонятливые душу, вырученных денег не хватило бы для оплаты места в клинике, верней, в пансионате, где есть камеры слежения, вежливая охрана, умные доберманы и тот самый доктор, если вы меня понимаете.

«Тем самым» (а заодно «этим, который!») доктор стал двадцать пять лет назад, после скандального цикла статей «Семьдесят стоянок», где он увлеченно полемизировал с Джавадом Нурбахшем, рискнувшим открыто выстроить параллели между психоанализом и суфийским

обучением. Было чертовски соблазнительно увязать «нафс-и аммару», то есть душу плотскую, или побуждающую, вечного тирана и контролера мыслей, а также поведения человека, с «superego» – системой усвоенных в раннем детстве запретов, не вполне осознаваемых самим человеком. Но одним из главных тезисов «Семидесяти стоянок» было следующее: если психоанализ своей задачей ставит воздействие на человека ненормального с целью возврата его в нормальное состояние, если суфизм (как, впрочем, и дзен) формирует воздействие на психически нормального человека для продвижения его в состояние «человека совершенного» – то, приняв с позиций социума «человека совершенного» за «человека ненормального», мы замыкаем кольцо, возвращаясь в исходную точку. Подтверждая мысль, доктор с колоссальным трудом добился разрешения присутствовать на занятиях в суфийских «подготовительных классах», где психически больных врачевали эзотерическими методами, а излеченных переводили во «внутренний круг» обучения. Местные шейхи сперва мрачно косились на иноверца, но, когда доктор потряс их обильными цитатами из Руми и выдержал трехчасовой «танец дервиша», оставшись к концу на ногах, даже самые упрямые ортодоксы прониклись уважением к гостю.

Ах, как давно это было...

Тогда доктора еще не раздражало обилие людей вокруг.

* * *

– У вас есть какие-нибудь жалобы?

– Жа... жалобы?

– Ну, может, вас что-то не устраивает, что-нибудь не нравится у нас? Например, кормят плохо. Рассказывайте без стеснения. Я постараюсь вам помочь, если это будет в моих силах.

– Кормят хорошо. Даже лучше, чем дома. У меня. Пюре с рыбой. Морс. Хлеб свежий. Морс нравится. А тут не нравится. Все равно.

– Что именно вам не нравится?

– Все. Люди... Их много. Слишком. От них шум между ушами. И камень не лепится. Ничего не лепится. Даже асфальт. Даже люки. Из люков лепить хорошо, мне нравится. Они такие гулкие получаются. Гулкие и тяжелые. Когда бегут – звону... Только тут они не лепятся. Это от людей. От шума. Наверное.

– Что у вас не лепится, простите?

– Големчики. Их так мамця назвала. Давно. Когда я еще маленький был.

– Хорошо, к вашим големчикам мы еще вернемся. Это очень интересно.

– Правда, вернемся? Вместе с вами, доктор? Вы тоже хотите туда... домой?!

– Полагаю, вы не совсем верно меня поняли. Или я неточно выразился. Я имел в виду: «вернемся в нашем разговоре». А пока мне бы хотелось узнать поподробнее, что еще вам не нравится?

– Все. Почти все. Люди шуршат. Громко. Всем чего-то надо. Шуршат, шуршат... Зачем? Не люблю шуршать. Не люблю слушать шуршалки. Иногда только. Редко. Или когда големчики булькают.

– Наша беседа вас тоже тяготит?

– Бе-се-да? Тяготит... тяжесть... Нет. Не очень. Вы иначе шуршите, чем другие. Вы говорите. Вы словами *делаете*. Ну, хотите сделать. А другие просто... бол-та-ют.

– Спасибо на добром слове. Тогда, если не возражаете, давайте продолжим. Итак, что вас еще не устраивает в нашем пансионате, кроме большого количества людей, шума и разговоров?

– В пан-си-о-на-те?.. Да, мне объясняли. У вас тут хорошо. Почти как дома. Големчики не лепятся, а так хорошо. Не трогают. Не пристают: давай пошуршим! Шума меньше. И кормят. Пюре с рыбой. Морс. Клюквенный. Хорошо. Тут люди вместе – снаружи. А внутри – каждый сам по себе. И вы, доктор, сами. И я – сам. И все. Нравится.

– Значит, вам нравится в пансионате? А снаружи – нет? Скажите, вы бы хотели, чтобы вас выпустили?

– Выпустили? Куда? Домой?! Вы знаете, как туда попасть?!

– Нет, я не знаю, как попасть в то место, о котором вы часто рассказываете и о котором мы еще поговорим подробнее. Но мы могли бы выписать вас на попечение вашего кузена.

– Ку-зе-на?

– Двоюродного брата. Он очень, очень состоятельный человек, у него прекрасный особняк, прислуга...

– Юродный Брат? Не хочу к нему! Не надо. Он будет приставать. Шуршать, шуршать... Просить, чтоб я лепил. Много лепил. Не так, как я хочу. Как люди хотят. Их много, они все хотят, а я один... Только у вас все равно не лепится: люки, стены, асфальт. Нет, не хочу.

– Ну почему же – не лепится? Ваши работы показывали известным искусствоведам: они просто в восторге! У вас, дорогой мой, несомненный талант. Вы прекрасно вылепили скульптурный портрет своей матери – по этому портрету ее смогли идентифицировать, выяснили, кто вы на самом деле, у вас отыскались родственники...

– Род-ствен-ни... Не хочу к Юродному Брату! Не хочу!

– Успокойтесь, пожалуйста. Не хотите – и не надо. Никто вас насильно к нему не отправит. Если вы предпочитаете остаться в пансионате – милости просим. Я рад, что вам нравится у нас.

– Здесь лучше, чем в городе. Но дома – еще лучше. Тут у меня лицо хитрое. Притворяется. Я видел. В зеркале. Дома я другой. Правильный. А тут все слишком твердое. Камень твердый. Дерево твердое. Даже люки твердые. Не лепятся. Я сам твердый. День-ночь, день-ночь, днем – солнце, ночью – луна. Скучно. Надо иначе. Мамця любит играть: луна – днем, солнце – ночью. Или вместе. Или чтоб жарко – и вдруг снег. А у вас никто не играет. Разучились, наверно. Затвердели, высохли. Или не хотят. Почему? Город, люди: шур-шур... Один пла-сти-лин мягкий. Лепится. Я помню, это вы мне дали, доктор. Жаль, големчики все равно мертвенькие выходят. Стоят. Молчат. Не бегают. Еду не приносят. Хотя мне еду и так дают. Пюре с рыбой. Морс...

– Да, я помню. Клюквенный морс. Кажется, я понял, что вас не устраивает. Не в нашем пансионате, а вообще... Везде.

– Да, доктор. Здесь – везде. А дома – нет. Дома хорошо. Когда я буду возвращаться, мы можем пойти вместе. Вам понравится: выберете себе два квартала, или три... Вы хотите *делать*. Словами. Просто у вас плохо получается. Слишком много людей, слишком много слов... А дома – получится!

– У вас дома?

– У нас – дома.

– Спасибо, я подумаю. Когда соберетесь домой, вы ведь меня предупредите?

– Конечно, доктор!

– Вот и славно. Итак, вас здесь многое не устраивает, но, как выяснилось, я вам ничем, к сожалению, помочь не могу.

– Не можете.

– Но, по крайней мере, в пансионате вам лучше, чем за его пределами?

– Да.

– Превосходно. Итак, претензий, жалоб и пожеланий у вас нет?

– Не-а.

– Тогда можем считать, что этот вопрос успешно закрыт. Давайте теперь поговорим о том месте, где вы жили прежде, чем попали сюда. О вашей маме...

– О Мамце.

- Хорошо, о мамце. О големчиках. О других людях – вы упоминали, что они живут там вместе с вами...
- Не вместе. Каждый сам. Не вместе! Иначе, чем здесь. Никто никому не мешает.
- Так уж совсем никто никому никогда не мешает? Совсем-совсем?!
- Ну... бывает. Редко.
- Выходит, и у вас дома не все гладко. Кое-что общее все же есть? Вот с этого и начнем...

* * *

Пройдя в ванную, доктор долго, с тщанием умывался. Сменил лезвие на бритвенном станке; не рассчитав усилия, порезался и долго разглядывал пострадавшую скулу в зеркале. Достав из шкафчика бальзам, аккуратно смазал место пореза. Большинство знакомых доктора всегда умывались в спешке. Можно сказать, на бегу. Впереди маячил обильный сюрпризами день, сотни гомо сапиенсов, близких и далеких, сотрудников, родственников, друзей, врагов и первых встречных ждали, сгорая от нетерпения, мечтая получить возможность столкнуться в вечном круговороте и разлететься, соблюдая лживую строгость орбит. Знакомые доктора спешили внести свою лепту в окружающий хаос, потому и умывались наспех. Границы собственной вселенной, именуемой телом, их интересовали в последнюю очередь, и отнюдь не из самоценности этих границ; они латали кордоны лишь в случае вторжения неприятеля, торопливо выбирая союзников – дантист, хирург, дерматолог...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.